

§5 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Скриба А.С.

«МЯГКАЯ СИЛА» И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕГОДНЯ: ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению нынешних проблем российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве. Украинский кризис, а также внутренние трансформации в других постсоветских странах свидетельствуют о проигрыше России в этом вопросе Западу. Если ситуация не изменится, то постсоветское пространство продолжит «рассыпаться», а Москва столкнется с новыми трудностями, в том числе в контексте своего нового проекта – евразийской интеграции. Объектом исследования является «мягкая сила», предметом – методы и приемы ее использования (в теории и на практике – применительно к странам постсоветского пространства). Методология исследования базируется на классических и современных работах, посвященных изучению «мягкой силы» и специфике ее применения. Научная новизна работы заключается в критическом взгляде на слабые места российской практики в вопросе «мягкой силы» на постсоветском пространстве, которые проявились за последние два года вследствие и на фоне украинского кризиса. Важно, что эти слабые места касаются не только украинского направления, а потому полученные в ходе исследования выводы могут и должны быть учтены применительно к другим российским партнерам.

Ключевые слова: «мягкая сила», постсоветское пространство, Россия, Европейский союз, НГО, дипломатия, западный подход, общественные запросы, идеология, интеграция.

Abstract. This article is dedicated to the examination of the current issues of the Russian “soft power” in the post-Soviet space. The Ukrainian crisis, as well as internal transformation in other post-Soviet states testify to the Russia’s loss to the West in this regard. If the situation does not change, that the post-Soviet space will continue to “crumble”; thus, Moscow will face the new difficulties, including in the content of its new project – the Eurasian integration. The object of this research is the “soft power”, while the subject is the methods

and mechanisms of its implementation (in theory and practice, applicable to the post-Soviet countries). The scientific novelty of this work consists in the critical view upon the weak spots of the Russian practice pertaining to the question of "soft power" in the post-Soviet space, which manifested over the last two years as the result and on the background of the Ukrainian crisis. It is important to notice that these weak spots concern not only the Ukrainian vector; therefore, the acquired conclusions can and must be considered in reference to the other partners of Russia.

Key words: *Western approach, diplomacy, NGO, European Union, Russia, post-Soviet space, soft power, public demands, ideology, integration.*

Резюме

Российская внешняя политика славится своей искусной дипломатией и жесткими инструментами защиты национальных интересов. Но именно на примере постсоветского пространства становится понятно, что без эффективной «мягкой силы» Россия рискует так и не создать собственный полюс влияния, притягательный как минимум для ближайших соседей. Задача тем более сложна, поскольку в Восточной Европе ей для этого предстоит конкурировать с уже достаточно развитой «мягкой силой» ЕС и США.

Необходимо прямо признать, что российская «мягкая сила» (к задачам которой как раз и относится как минимум не допускать такого развития событий, а как максимум – расширять влияние России) далека от совершенства и серьезно проигрывает Западу. Понять причины этого и обозначить направления ее развития – первый и очень важный шаг на пути возврата России ее цивилизационной и интеграционной конкурентоспособности, не только в Восточной Европе, но и на всем постсоветском пространстве.

Введение

Российское экспертное сообщество нередко склоняется к оценке украинского кризиса как ошибки – умышленного, конъюнктурного и нерационального выбора со стороны украинских элит при политической пассивности большей части населения. Результаты этой ошибки налицо – стремительное снижение золотовалютных резервов при столь же быстром росте долговых обязательств, обеднение основной массы общества, наконец, отделение Крыма и воору-

женный конфликт на Юго-Востоке страны, где «проснувшийся» несогласный с новой властью электорат заявил свои гражданские права и стал бороться за собственное видение Украины. Его борьба с властью и поддерживающими ее силами соответствует всем признакам тлеющей гражданской войны, едва сдерживаемой недавними Минскими соглашениями. Одним из следствий этих событий стало и ухудшение украино-российских отношений.

В России уже сложилось общее понимание, что кризис диалога с Украиной весьма глубокий. При этом неразрешенность вопроса территориальной целостности Украины, где Россия так или иначе играет существенную роль, не позволит в одночасье его преодолеть. И поскольку этот кризис, начавшийся на политическом уровне, уже распространился в медийное пространство, профессиональные дискуссии и даже бытовое общение, приходится признать, что отношения между русскими и украинцами, как и украинцев к России, подпорчены всерьез и надолго.

Однако выводы из нынешнего кризиса, как и из многих предыдущих событий на постсоветском пространстве, зачастую делаются очень точечные. Например, есть весьма популярное предположение, что в следующие годы свою позитивную роль сыграет временной фактор. По мере осознания собственной ошибки (разворот на Запад и отворот от России), украинское население почувствует все тяготы европейских преобразований и поменяет (снова) свое отношение к восточному соседу. Соответственно, и элиты, неспособные выстроить модель эффективного государства и оказавшиеся де-факто банкротами накануне очередных выборных кампаний, также будут вынуждены восстанавливать сотрудниче-

ство с Россией, как минимум – торгово-экономическое. А за этим последует и постепенная дерадикализация всей общественно-политической жизни, которая откроет новую страницу в украинско-российских отношениях.

Отчасти с этим можно согласиться. Уже сегодня уровень доверия к новой украинской власти стремительно падает. В марте по данным украинских аналитических центров доля сторонников главной пропрезидентской партии «Блока Петра Порошенко» составила от 14,4 до 16,1%, в то время как остальные политические силы не набрали и 10% [1]. Такое снижение популярности и дополнительная фрагментация проевропейских сил открывает возможности реванша для ныне оппозиционных центристских партий уже осенью 2015 г. на местных выборах.

Но означает ли это, что подобные политические изменения повлекут за собой трансформации общественного сознания и всеобъемлющую нормализацию диалога с Россией? Возможно, но отнюдь не обязательно. Ведь нужно помнить, что кризис украинско-российского диалога возник не вчера и даже не в начале 2014 г. «Революция достоинства», государственный переворот, игнорирование российских опасений при создании ассоциации с ЕС, внутренние вооруженные конфликты стали – все это, без сомнения, было серьезным катализатором, но не первопричиной российско-украинской конфронтации. Следовательно, понимание украинцами собственных ошибок еще не делает Россию в из глазах правой.

Этот вывод возвращает нас к глубинному источнику всех вопросов – разноскоростной и разновекторной трансформации постсоветских стран и их обществ. На протяжении почти четверти века украинцы и русские развивались в разных социально-политических условиях и, что вполне естественно, по-разному смотрели на институт государства и его политическую повестку. Россия, за плечами которой находились столетия великодержавности, выглядела в этом смысле более зрелой и монолитной. Украина же в силу своей молодости и ряда территориально-этнических особенностей и политико-экономических обстоятельств оказалась неопределенной страной с высоким запросом на модель эффективного государ-

ственного строительства и развития. Соответственно, главной проблемой является не нынешняя антироссийскость Украины, а то, по какой причине союзничество с Россией стало для нее непривлекательным. Почему элиты с самого отделения от Москвы в 1991 г. тяготели к Европе, а население либо поддерживало эти порывы, либо молча наблюдало за ними?

Видеть в этом одни лишь украинские ошибки, равно как и ждать их постепенного «раскашивания», по-видимому, контрпродуктивно. Такой подход заведомо лишает Россию ее акторности, которая, к слову, в последние годы неуклонно возростала. Без понимания *собственных* ошибок в нынешней, будем надеяться, временной потере Украины (а по сути – в проигрыше ее Западу) Россия рискует наступать на старые грабли снова и снова. Тем более что украинский пример – самый показательный на постсоветском пространстве, но далеко не уникальный. Аналогично в «Восточном партнерстве» с ЕС «теряются» Грузия и Молдавия. И даже самый давний и близкий союзник России – Беларусь – и на уровне элит, и на общественном уровне со временем становится все менее пророссийским [2].

Необходимо прямо признать, что российская «мягкая сила» (к задачам которой как раз и относится как минимум не допускать такого развития событий, а как максимум – расширять влияние России) далека от совершенства и серьезно проигрывает Западу. Понять причины этого и обозначить направления ее развития – первый и очень важный шаг на пути возврата России ее цивилизационной и интеграционной конкурентоспособности, не только в Восточной Европе, но и на всем постсоветском пространстве.

Теоретическая база «мягкой силы»

Причин роста популярности невоенных инструментов внешней политики много. К самым очевидным можно отнести негативный имидж, который создают военные и иные агрессивные внешнеполитические действия, демократизацию процесса принятия решений в наиболее крупных государствах (частое отсутствие политического единства, необходимого для начала

агрессии), возросшая эффективность ведения «информационных войн».

В связи с этим для повышения эффективности внешней политики и была предложена концепция «мягкой силы». Она сформулирована в противовес традиционной жесткой силе, которая подразумевает те или иные механизмы принуждения и побуждения. К таковым, в частности, относятся меры военного воздействия или угрозы его применения, экономические ограничения или, напротив, подкуп и оплата лояльности. В отличие от всего этого «мягкая сила», каковой ее видел автор концепции Дж. Най в 1990-е гг., представляет собой *возможность добиваться лояльности других стран через механизм привлечения*. В этом случае предполагается, что государство (его модель и путь развития) настолько привлекательно, что другие страны сами начинают разделять его ценности, следуют его примеру и опыту и стремятся к его уровню состоятельности [3].

В российской политической науке вскоре указали на достаточно высокую расплывчатость, неясность и методологическую открытость этого определения, а также констатировали, что оно достаточно быстро переключалось в лексикон политиков, политтехнологов, СМИ и общественные дискуссии, где постепенно утратило свою научную строгость [4]. Таким образом, несмотря на несомненное авторство Найа, в 2000-е гг. «мягкая сила» в дополнение к широкому смысловому содержанию обрела различные трактовки, которые так или иначе относились к двум основным подходам.

Первый подход строится на том, что «мягкая сила» – не столько действия, направленные вовне, сколько непрерывная работа государства по совершенствованию себя и тем самым по предложению миру собственной модели развития («влияние на основе привлекательности и внутреннего обаяния» [5]). Результатом такой «мягкой силы» через положительный пример становится большее расположение к этому государству со стороны других стран, их признание его успешности и авторитета, и в конечном счете – стремление сблизиться с ним в той или иной форме. О важности подобной стратегии говорил и сам Най, у которого две из трех главных

составляющих «мягкой силы» – это культура и политические ценности (те самые механизмы привлечения).

Приверженцы **второго подхода** указывают на то, что быть привлекательным еще недостаточно: нужно уметь обращать внимание других на свои сильные стороны и в мягкой форме склонять их к своей точке зрения. Или, если говорить по-другому, «направленно развивать» своего соседа или конкурента [6]. Такой конструктивистский подход предполагает, что на идейно-ценностном уровне государство не только создает, но и экспортирует заманчивые идеи и ценности, манипулирует созданием и восприятием целевой аудитории (т.е. другими странами, их лидерами и социальными группами). Здесь «мягкая сила» выходит за пределы государства и становится частью его активной внешней политики (или, как это описывал Най, внешняя политика – третья составляющая «мягкой силы»).

Однако в целом эти подходы не являются взаимоисключающими. Они оба ведут речь о механизме «мягкой силы» в самом общем виде. Пассивная «мягкая сила» – это политика, направленная вовнутрь с целью создания в стране максимально привлекательной для других среды: социальной, экономической, политической и пр. Активная (или деятельностная) «мягкая сила» – это внешняя политика, которая показывает или создает видимость этих преимуществ. Соответственно, для международных отношений, и в частности – проблемы украинской (и не только) ориентации, большой интерес представляют именно внешнеполитические инструменты «мягкой силы». С этого момента мы отойдем в сторону от дискуссий о методологической строгости самого понятия «мягкая сила» и сосредоточимся на его практическом применении, к чему в своих последних работах призывал и сам автор концепции, и его сторонники.

Прежде чем исследовать эти инструменты и оценивать их эффективность и потенциал, нужно принять во внимание еще два обстоятельства: сферу применения «мягкой силы» и специфику объекта, на который она направлена.

Во-первых, у каждой страны есть свои ресурсы «мягкой силы», которые могут существенно отличаться в зависимости от сферы их примене-

ния. Например, усредненное европейское государство обладает существенно большим опытом демократии и создания эффективных государственных институтов, однако, как показывают последние события вокруг ИГИЛ, серьезно проигрывает даже чуждой для христианства, но при этом стройно выстроенной и где-то привлекательной исламской идеологии. Напротив, историко-культурная идея «русского мира» (пока) более эффективно противостоит новым радикальным тенденциям, и хотя также воспринимается в других странах как «другая», однако при этом не вызывает очевидной антипатии. В свою очередь в вопросах демократизации и государственного строительства ресурсы России очевидно уступают Европейскому союзу и США.

Кроме того, говоря о ресурсах, нельзя не учитывать и такое обстоятельство, как желание, или готовность использовать эти ресурсы в политике «мягкой силы». Вспоминая силу жесткую, можно привести такой пример: в 1940 г. перед капитуляцией Франция вместе со своим союзником Великобританией имела больше танков, чем Германия, что, однако, не предотвратило ее сокрушительное поражение. Логично предположить, что и в применении «мягкой силы» высокое значение имеет *осознание* государством собственных преимуществ (конкурентоспособности) и *желание* конвертировать эти преимущества во внешнеполитические успехи.

Сама же конкурентоспособность в вопросах «мягкой силы», по всей видимости, будет слишком сильно зависеть от сферы конкуренции, а потому едва ли может быть универсализована и изображена в некоем усредненном показателе. Хотя, справедливости ради можно отметить, что такие попытки предпринимались, в том числе российскими исследователями (например, российским фондом Сколково в сотрудничестве с компанией Ernst&Young [7]).

Во-вторых, необходимо принимать во внимание объект, на который направлена «мягкая сила». Причем это касается как страны в целом, так и более узкой целевой аудитории. В первом случае нужно иметь в виду, что страны мира находятся на разных стадиях развития и при этом пути их развития также отличны. Страна может испытывать дефицит успешности в какой-то

одной сфере, а потому активно воспринимать «мягкую силу» государства А, и напротив, чувствовать себя достаточно уверенной в другой сфере, а потому быть абсолютно невосприимчивой к «мягкой силе» государства Б, как бы высоким ни был ее ресурс. Во втором случае речь идет о тех же особенностях, только на более низком уровне (уровень целевой группы конкретного инструмента «мягкой силы»).

В этом же контексте можно дифференцировать «мягкую силу» по ее акцентам на позитивную и негативную. Позитивная – та, которая обращает внимание на достоинства государства самого по себе. Негативная же «мягкая сила» сосредотачивает на том, в чем государство А лучше своего конкурента государства Б (или в чем Б хуже А), т.е. говорит не только и, возможно, не столько о собственных достоинствах, сколько указывает на недостатки оппонента.

Все это принципиально важно для постсоветских стран, которые, несмотря на более чем два десятилетия независимости, все еще находятся в состоянии перехода и по-прежнему ищут себя в регионе и мире. Уже сейчас это отчетливо видно на примере стран «Восточного партнерства», которые, вне зависимости от своего интеграционного статуса, время от времени «разрываются» между Европой и Россией. Понять потребности и запросы этих стран (или, наоборот, страхи и фобии) – значит правильно определить перспективные направления «мягкой силы» и ее целевую аудиторию. Без этого «мягкая сила» лишается своего вектора и шанса на успех.

Практика «мягкой силы»: как у них ...

Именно США первыми заговорили о необходимости более активно использовать мягкую силу для создания благоприятной международной конъюнктуры через повышение привлекательности Соединенных Штатов и их либерально-демократической модели (Хотя концепцию «мягкой силы» Дж. Най теоретизировал в 1990-е гг., Агентство по международному развитию (US AID) как инструмент невоенной помощи было основан еще в 1961 г.). И это несмотря на то, что после распада мировой социалистической систе-

мы многие транзитные государства *сами* обратили свой взор к США как главному защитнику новых для них ценностей, и на какое-то время даже показалось, что постепенное приближение большинства стран мира к американским стандартам неизбежно и уже виднеется на горизонте.

И все же помимо самопривлекательности (успешность экономической модели, высокий уровень жизни и заманчивость культуры потребления, благоприятные условия для ведения бизнеса и пр.) у «мягкой силы» США достаточно быстро развился сильный и при этом весьма разнообразный инструментарий. Задел для этого был сделан еще в 1961 г. Но именно после окончания «холодной войны» Вашингтон перешел к наиболее активному, или даже решительному экспорту своих стандартов по всему миру. Логично, что для этого потребовались эффективные механизмы их «доставки» «конечному потребителю». К ним можно отнести следующие: культурный диалог и продвижение языка, сотрудничество в области образования, научно-техническое и инновационное сотрудничество, развитие деловых связей, общественная дипломатия, содействие развитию [8]. Главным адресантом американской «мягкой силы» становилось формирующееся гражданское общество, а также молодые элиты, которые через многочисленные программы обмена «приобщались» к американским ценностям.

Европейский союз старался не отставать от Соединенных Штатов. Более того, есть мнение, что по части «мягкой силы» он существенно опережал США – за счет притягательности европейских ценностей (во многом схожих с американскими), а также миролюбивой дипломатии ЕС и стабильности европейских институтов [9]. Немаловажную роль здесь играет то обстоятельство, что европейская «мягкая сила» более практикоориентирована. Речь идет о том, что помимо различных форм дружбы и союзничества, Брюссель может предложить своим партнерам вполне осязаемые выгоды: опыт реформ (демократизация политической системы, совершенствование госуправления), экономическая интеграция и конвергенция с отраслевой экономической политикой ЕС, энергетическая безопа-

сность (включающая развитие нетрадиционных и возобновляемых источников энергии) [10].

При этом, как и в случае США, ЕС и его отдельные страны-члены также уделяют высокое внимание работе с гражданским обществом: реализуются многочисленные программы обменов и финансирование образовательных и исследовательских проектов, поддерживает развитие и деятельность независимых СМИ, финансируются мероприятия, связанные с развитием малого и среднего бизнеса и предпринимательской инициативы как таковой. Отдельно можно отметить широкую сеть грантовых проектов, которые предоставляются университетам стран-партнеров (в т.ч. интегрируют их в общеевропейское образовательное пространство), а также образовательные проекты («Эразмус», «Нордплюс», DAAD, «Edu France» и пр.).

И если на примере стран ЦВЕ все эти инструменты достаточно быстро потеряли свою изначальную актуальность (по причине их ускоренной «шоковой» демократизации и либерализации), то для стран постсоветского пространства они стали исключительно важной составляющей американской и европейской внешней политики. Здесь интересы ЕС и США во многом совпали. Они видели, что молодые республики (особенно те, что в Восточной Европе) находятся в состоянии глубокой трансформации, и считали своим долгом и миссией внести исторический вклад в этот процесс. Разумеется, с учетом собственных интересов.

Медленно, но верно «мягкая сила» США и ЕС добивается поставленных целей. С одной стороны, играет свою роль их объективная привлекательность для новых национальных элит. Сначала результатом этого стала интеграция в ЕС стран ЦВЕ, а сейчас – высокий интерес лидеров и околополитических бизнес-групп стран «Восточного партнерства» к той или иной форме сближения с ЕС. Сегодня даже авторитарные режимы Беларуси и Азербайджана ищут пути к сотрудничеству с Западом. В других же случаях именно «европейская повестка» становилась залогом победы на выборах и выдвижения на высшие посты самых разных политиков. Что касается бизнеса, то он от интеграции с Западом ждет крайне важную для него гарантию прав

собственности, опасаясь, по-видимому, ее национализации или реприватизации.

С другой стороны, принесла плоды и работа с отдельными группами гражданского общества. Население, и прежде всего – молодежь, все более тяготеет к ЕС и все чаще ассоциировали себя с Западом, а не Востоком. Это проявилось даже на примере самых близких к России стран – Беларуси и Украины, которые с ней связывала не только историческая «советскость», но и глубокие этнические, религиозные и культурные корни. Так, в Беларуси молодежь (до 31 года) за пять лет (2006–2011 гг.) стали поддерживать сближение с Россией в два раза реже – лишь в 17,4% случаев, в то время как поддержка ЕС выросла в полтора раза до 69,7%. При этом 56,3% молодежи в 2011 г. считали, что Беларусь в конечном счете станет членом ЕС [11]. Аналогичным образом в Украине в 2013 г. среди людей от 18 до 29 лет сторонников России было 18,8%, Европейского союза – 54,1% [12]. Можно предположить, что сегодня все эти показатели еще более изменились в пользу ЕС.

В результате этих изменений элиты постсоветских стран, и так (если не на действиях, то ментально) склоняющиеся в сторону Запада, получают дополнительный импульс снизу, на которой так или иначе вынуждены реагировать. В одних случаях, как уже говорилось, это привело к возвышению прозападных политиков, а в других – стало социальной базой для политических спекуляций и даже шантажа в отношениях с Россией.

Понимая, что конкурируют в Восточной Европе с восстановившей свою силу Россией, США и ЕС используют не только позитивную, но и негативную «мягкую силу». Реальное знание о России на Западе после «холодной войны» постепенно утратилось; теряется оно и в постсоветских странах, что становится широким полем для различного рода манипуляций. На слой старых стереотипов накладываются стереотипы современные, часто надуманные, ставящие своей целью превратить Россию в не просто нежелательного, но даже опасного партнера, от которого «спасти» может все тот же Запад и только он. Эти стереотипы особенно подогреваются некоторыми странами ЦВЕ, где отрица-

ние «европейскости» России и придумывание «российской угрозы» уже стало неотъемлемой частью политического процесса.

... и как у нас

Ошибочно считать, что Россия со своей стороны не предпринимает никаких усилий, чтобы «сохранить» за собой постсоветское пространство. Были попытки реанимировать отраслевую кооперацию, в том числе и в гуманитарной сфере. Российская сторона неоднократно выступала инициатором укрепления и развития академических и образовательных связей, спонсировала студенческие и культурные обмены, выделялись квотные места для граждан СНГ на обучение в российских ВУЗах. Дальше всего это продвинулось в отношениях с Беларусью, которые уже в конце 1990-х гг. достигли уровня Союзного государства. Вопреки критике его политико-экономической части, культурная составляющая относительно неплохо сохраняла прежний высокий уровень гуманитарного сотрудничества.

Отдельно можно отметить поиски новой собирательной идеи. Коммунизм для этого понятным причинам уже не годился, и общественные организации обратились к самым очевидным постсоветским скрепам – русскому языку и (в отдельных случаях, таких как Беларусь и Украина) русской культуре и общей истории. Так появились Россотрудничество, Российский центр науки и культуры, Фонд Горчакова, «Народная дипломатия», «Русский мир». Все они так или иначе занимаются популяризацией России среди «новых иностранцев», работают с соотечественниками за рубежом.

Предполагалось, что такая «мягкая сила» станет качественным дополнением, или продолжением контактов на высшем уровне. Ведь очень часто многочисленные переговоры и саммиты завершались, среди прочего, анонсами масштабных культурных мероприятий, которые служили свидетельством не просто политической, а исторической, культурной, цивилизационной близости новых постсоветских элит. Даже сами встречи в формате СНГ как бы показывали, что постсоветское пространство – это живой и, главное, единый развивающийся организм.

Однако за этой вполне себе симпатичной завесой скрывалась куда более суровая реальность.

Во-первых, оказалось, что для жителей постсоветских стран СССР и Россия – два очень разных государства, причем отнюдь не в пользу последнего. Скрепки Советского Союза были гораздо сильнее благодаря мощному цивилизационному проекту. Российский «русский мир» такой повестки пока не имеет. Поэтому популяризация российской культуры хоть и не вызывает резкого отторжения, однако все же не становится тем притягательным магнитом, который должен был сохранить гомогенность постсоветского пространства. А в некоторых случаях российский культурный экспорт вовсе выступает «красной тряпкой» для националистических сил, видевших во всем российском очередное напоминание о столетиях несамостоятельности и зависимости, утраченных исторических возможностях. Даже тема победы в Великой отечественной войне уже не является безоговорочным клеем.

Была попытка разрешить эти проблемы евразийской интеграцией, которая продолжается и сегодня. В ней формально отсутствует культурная составляющая, а значит влияние культурного «раздражителя» сведено к минимуму. Однако, как ни странно, именно недостаток идейности становится сегодня главным тормозом интеграции, которая становится заложником переговоров «наверху». Лишь четыре постсоветские страны из двенадцати присоединились к ЕАЭС, и мотивом в каждом случае были экономические интересы элит. Широкая общественность оказалась де-факто исключена из дискуссии, а потому ничего удивительного, что большинство людей до сих пор не понимают сути евразийского проекта.

Во-вторых, что касается самих элит, то они смотрят на Россию скорее как на угрозу, а не на союзника. Ведь четверть века назад именно независимость от Москвы превратила тех, кто раньше был всего лишь провинциальной элитой, в политическую и деловую элиту международного уровня. Следовательно, любые попытки Москвы вернуться в «зону привилегированного влияния» и «закрепить» ее за собой в том или ином формате воспринимаются как вызов. И поэтому чем более страна самодостаточна, тем чаще она

предпочитает сохранять в отношениях с Россией безопасную дистанцию.

Понимая все это, в какой-то момент Россия стала все чаще заменять «мягкую силу» более привычными для себя традиционной дипломатией и другими, «жесткими» инструментами. И это вызвало новые проблемы. Во все той же евразийской интеграции, пожалуй, только присоединение Казахстана было относительно бесконфликтным. Переговоры с Беларусью шли гораздо труднее, сопровождалась чередованием торга и взаимных угроз. Диалог с Арменией и Кыргызстаном проходил более «тихо», однако и там налицо ставка на «сделку» с элитами и полная невовлеченность гражданского общества. Вне евразийства можно вспомнить роль Москвы в грузино-югоосетинском конфликте 2008 г., кризис на Юго-Востоке Украины 2014 – 2015 гг. Наконец, есть прецедент Крыма.

Принципиально важно то, что мотивация Москвы во всем этом не имеет большого значения для нового поколения населения и элит постсоветских стран. Да, с их стороны могут звучать редкие и робкие слова понимания (в том случае, если это не касается их собственной страны), но еще ни разу не было однозначной и убедительной поддержки. Даже ближайший союзник России А. Лукашенко, несмотря на все его заслуги перед реинтеграцией и миротворчеством, так и не признал независимость Абхазии и Южной Осетии, а Крым признал российским лишь де-факто.

Так же и на публичном уровне: «жесткие» действия России как минимум не располагают к себе, а как максимум – настраивают против нее умеренные группы общества и активизируют его радикальные националистические элементы. Возможно, жесткость возрождающейся России воспринималась бы иначе, если бы она была привлекательной с точки зрения модели развития или уровня жизни. Однако в случае восточноевропейского СНГ рядом находился Европейский союз, куда стремились наиболее перспективная молодежь и квалифицированные кадры. Что касается Центральной Азии, то там в принципе гораздо труднее объяснить привлекательность и выгоду «русского мира» для культурно иного мусульманского населения.

В последнее время Россия, так же как и ее *vis-a-vis*, пытается использовать негативную «мягкую силу», позиционируя себя защитником «традиционных ценностей» и указывая на кризис ценностей Западных: распространение гомосексуализма и однополых браков, пропаганда секса, насилия и пр. Хотя вопрос о «ценности» этих категорий весьма спорный: во многих примерах речь идет, скорее, о последствиях демократического развития стран Запада и выросших отсюда толерантности и терпимости.

Но и в этом случае российской публичной дипломатии не удастся добиться высоких результатов. Отчасти потому, что в постсоветских странах наравне с одобрением традиционных российских (или православных, или славянских) ценностей есть масса антироссийских стереотипов и фобий, уходящих корнями в 1990-е гг., – бандитизм, воровство, коррупция, бескультурность (как ни странно). Однако главным, судя по всему, является то, что население новых республик устало от бедности и хочет достойной жизни. Пирамида Маслоу подсказывает нам, что поиски своего цивилизационного начала (как часть самоактуализации) начинаются после удовлетворения других потребностей (здесь мы не берем в расчет мыслящую иначе наиболее интеллектуальную, но сравнительно небольшую часть общества). А значит евроатлантическая модель вновь оказывается заведомо привлекательнее.

«Мягкая сила» в мире идей: выводы для России

В российском научной и политической мысли глубоко проросла корнями марксистская аксиома – бытие определяет сознание. Отсюда, по видимому, и акцент на переговоры с элитами (а чаще всего – только с одной лишь ее властвующей частью), и попытки продвинуть идею «русского мира» и околороссийской интеграции (ведь для этого есть все объективные основания), и непонимание, отчего эти попытки не находят должный отклик в других постсоветских странах.

Однако успехи западной «мягкой силы» показывают, что справедлива и обратная зависимость: идеи, проникая в сознание общества,

элит, руководства страны, часто формируют не-объективные и непредсказуемые, но реальные политические решения. Доказательства налицо. В Украине и Грузии так называемые демократические революции кардинально изменили политическое поле. В других странах – Молдове, Армении, Беларуси – эти изменения носили менее заметный, но тоже сильный характер. Отличается лишь скорость трансформаций, но их вектор вполне очевиден: после ухода старой советской номенклатуры и в обществе, и в элитах прозападные настроения постоянно усиливаются, в то время как пророссийские уже практически исчезли.

Приверженность Москвы старым подходам и методам вполне понятна. Виртуозная дипломатия, жесткие внешнеполитические инструменты и накопленный опыт их использования являются ее несомненными сильными сторонами. Как несомненно и то, что в мире либерализма и демократии Россия чувствует себя не очень некомфортно и как бы отстающей от Западных родоначальников этих традиций. И если в Центральной Азии это пока не стало большой проблемой, то в Восточной Европе отсутствие собственной конкурентоспособной идеи уже давно играет против российских интересов.

В 2014 г. России ценой больших издержек удалось (уже не в первый раз) остановить расширение европейских (а заодно и евроатлантических) институтов. В противном случае социально-политические изменения в ассоциированных с ЕС странах приняли бы более быстрый, радикальный и, по всей видимости, необратимый характер. По крайней мере, об этом говорит опыт многих нынешних членов ЕС из Восточной Европы.

Но проблемы остались. Даже вне ассоциации западная «мягкая сила» продолжает вытеснять Россию из восточноевропейского СНГ. Сегодня это уже коснулось Украины, Молдовы и Грузии, которые как минимум на ближайшие годы потеряны. Завтра может коснуться Беларуси и Армении – участников ЕАЭС, и тем самым нанести удар по евразийской интеграции. Их общество обновляется и меняется – в ту сторону, которую задает «мягкая сила» Европы и США. С известным отношением ко всему российско-

му. В результате сама Россия рискует через одно-два десятилетия получить у своих границ дугу чужих ей государств, и скорее всего – с тем же уровнем русофобии, что и в Прибалтике. А отсюда вырастут и новые угрозы безопасности, и дальнейшее «выталкивание» России из Европы.

Прежде чем переходить к решению этих проблем – конкретным контрмерам, нужно учесть два важнейших аспекта.

Первое – следует слушать, **чего хотят сами постсоветские страны**. А хотят они (в общем и целом) не экономическую помощь, а модель развития, которая не угрожала бы их новой самоидентификации. Никакие братские узы и общая историческая память (которая спустя 25 лет уже не такая уж и общая) не заменят им дефицит этой модели. Независимость для них стала одной из наивысших ценностей, и теперь они хотят наполнить ее прогрессивным содержанием. Пока это не получается, а потому по-прежнему актуально, и для богатых стран, и для тех, кто испытывает экономические трудности. С этой точки зрения очевидно, что и экспорт «русского мира», и евразийский проект пока не до конца соответствуют требованиям эффективной «мягкой силы».

Второе – **нужно отталкиваться от лучших практик**. Россия выходит на весьма конкурентный «рынок» «мягкой силы». Если в странах Центральной Азии ЕС и США присутствуют не столь широко, и главное – найти привлекательную для элит и общества модель, то в Восточной Европе дело обстоит именно так. Проевропейские и даже проамериканские настроения в этих странах за все годы независимости неуклонно росли. Поэтому для торможения и тем более разворота этой динамики российская «мягкая сила» должна учитывать преимущества своих конкурентов и как минимум не отставать от них.

Что касается непосредственно контрмер, то их следует развивать по следующим направлениям.

Во-первых, к странам постсоветского пространства нужно применять **дифференцированный подход**. Сегодня деятельность российских организаций по большей части универсальна. Однако очевидно, что исторические и культурные связи, общие интересы и текущие

вопросы с каждой из этих стран будут отличаться, причем иногда весьма существенно. Важный момент: отличаться они будут не только между странами, но и внутри отдельно взятой страны: у среднего класса, бизнеса, интеллигенции, элит, политического руководства. А значит нужно работать с разными целевыми аудиториями, чтобы создать сеть, элементы которой поддерживали бы друг друга (и при «обрушении» одного из них сеть продолжила функционировать). Скорее всего, для эффективной коммуникации здесь потребуется понятная меж- или внутриорганизационная специализация российских фондов. Возможно, следует более активно привлекать к их работе и регионы, у которых зачастую есть гораздо больше общего со странами-соседями, чем у Москвы.

Во-вторых, надо преодолеть главный порок российской мягкой силы – недостаток внимания к обществу постсоветских стран. Сегодня Россия чаще всего выступает лишь источником финансирования (прямого, кредитного, дотационного), которое перераспределяется национальными правительствами. В итоге создается ошибочное впечатление, что Москва помогает режимам, а не народам. Неудивительно, что последние при этом не благодарят Россию, когда у них всех благополучно и стабильно, но всегда ругают и обвиняют, когда начинаются экономические трудности.

Главным акцентом финансовых потоков должны стать образование и исследовательско-публичная деятельность. В первом случае речь идет о возобновлении **интенсивной мобильности молодежи** между образовательными учреждениями. Это будет не менее эффективно, чем существующие квоты для граждан СНГ в российских вузах. Во втором примере подразумевается более масштабное и при этом административно простое **грантовое финансирование национальных think-tank-ов**, обязательным условием которого общепринято публичное распространение результатов исследований. Сегодня этот рынок практически полностью занят американскими и европейскими фондами, а потому неудивительно, что в публичном пространстве СНГ доминируют выгодные им точки зрения.

В-третьих, хотя каждая из постсоветских стран требует индивидуального подхода, должна быть общая идея объединения вокруг России. Для этого сейчас сложились относительно благоприятные условия.

С одной стороны, Запад, несмотря на его идейное доминирование, в последние годы несет определенные моральные потери. Это касается и США, и Европейского союза: слезка за гражданами, тюрьмы и пытки, локальные экономические кризисы, роль в государственных переворотах и военных действиях, включая нынешний украинский кризис, и пр. И каким бы привлекательным Запад ни оставался, сегодня для многих он уже не является тем безусловным авторитетом, каким был в 1990-е и 2000-е гг.

С другой стороны, 2015 г. знаменуется «моментом Евразии», символом которого стал новый уровень российско-китайского сотрудничества. Помимо политической, торговой и военной сфер, в мае к ним добавилась интеграционная составляющая – анонсированное сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. У России (где, судя по всему, постепенно начинается реальный разворот на Восток) есть шанс не только переориентироваться на точки интенсивного экономического роста в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и «потянуть» за собой своих соседей – в проект, где каждый из них может найти свое место и свои выгоды.

ЕАЭС – хорошая площадка для таких действий (включая и другие направления «мягкой силы»), однако она должна и дальше совершенствоваться. Евразийская интеграция должна превратиться в **проект опережающего развития** – реформ, которые бы не догоняли Западную модель, а шли на опережение (По аналогии с динамическими сравнительными преимуществами в концепциях Б. Балашша, П. Кругмана, В. Реддинга и других экономистов; динамические сравнительные преимущества – более быстрые темпы наращивания сравнительных преимуществ по сравнению с конкурентами, основываясь на которых государство, не обладающее сравнительными преимуществами, в динамике может их приобрести). Это, видимо, потребует начать широкую дискуссию о будущем *полити-*

ческом устройстве Союза. И российская «мягкая сила» должна быть направлена на максимальное вовлечение в эту дискуссию молодежи, общественных организаций, академического сообщества *всех* заинтересованных сторон.

Заключение

Упор России на традиционные для нее дипломатию и жесткую силу нельзя назвать неэффективными. В конце концов, неизвестно, чем закончилось бы «мягкое» противостояние Западу на постсоветском пространстве, если бы не прямые переговоры с новыми элитами и лидерами этих стран с элементами (чего греха таить) превентивного давления.

Однако дефицит российской «мягкой силы» уже создал большие проблемы, с которыми в будущем не справится ни самая искусная дипломатия, ни откровенные угрозы. Никакая интеграция и тем более подлинное союзничество невозможно без одобрения на всех уровнях общества. Сегодня же такое массовое одобрение отсутствует даже у самых дружественных партнеров в Восточной Европе – Беларуси и Армении. В Центральной Азии ситуация несколько лучше, однако ее динамика также вызывает настороженность. Трудно избавиться от ощущения, что в своей исторической вотчине Москва могла добиться гораздо больших успехов и лучше сохранить ее гомогенность.

Время понять, что «мягкая сила» – это сила идей, которые с помощью нужных инструментов «вкладываются» в головы людей и влияют на политическое поле и внешнеполитические приоритеты целой страны. И чтобы противостоять идейной «мягкой силе» все еще успешного Запада, по крайней мере – в зоне своих привилегированных интересов, России нужны альтернативные идеи развития, которые были бы столь же привлекательными. И конечно, нужно понимать объект мягкой силы: чего он хочет и к кому еще может за этим обратиться.

Очевидно, что сама Россия пока не может стать центром безусловного притяжения: для этого не хватает ни собственной успешности, ни ресурсов на ее быстрое повышение. Но у России все еще остаются конкурентные пре-

имущества в отдельных сферах, где она может вполне успешно противостоять Западу (если, конечно, сосредоточится на этих сферах). А что касается ее новой привлекательности и обновленной «мягкой силы», то в их основе следует поместить динамические преимущества. Если учесть идейную стагнацию развитого Запада, то эти преимущества имеют хорошие шансы на успех. Дело за теми, кто сумеет их правильно сформулировать.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Статистические данные Центра Разумкова и Киевского международного института социологии. URL: http://www.uceps.org/ukr/poll.php?poll_id=1031; <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=news&id=512&page=2>
2. Молодежь и гражданское общество в Беларуси: новое поколение. СПб. 2011. – 346 с. URL: <http://www.iiseps.org/books/13>
3. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* – Vol. 616, No. 1. – pp. 94-109.
4. Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // *Обозреватель – Observer.* – 2014. – № 3. – С. 18.
5. Леонова О. Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // *Обозреватель – Observer.* – 2015. – № 2. – С. 80–81.
6. Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // *Международные процессы – 2006 – Т.4, №13(2).* URL: <http://intertrends.ru/twelfth/001.htm>
7. Косачев К. Мягкая сила и жесткая сила – не сумма, но произведение // ПИР-Центр. – С. 12. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/12/13880428660.pdf>
8. Братерский М. В., Скриба А. С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика.* 2014. № 2. С. 137.
9. Байков А.А. «Мягкая мощь» Европейского Союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек // *Вестник МГИМО-Университета.* – 2014. – №2. – С. 42.
10. Студнева Е. Восточная Европа между евразийской и евроатлантической политикой // *Международная жизнь-2011.-№10.* – С. 28.
11. Молодежь и гражданское общество в Беларуси: новое поколение. СПб. 2011. – 346 с. URL: <http://www.iiseps.org/books/13>
12. Zolkina M. European integration of Ukraine: experience of yesterday for development of tomorrow. Informational & analytical bulletin. Public opinion 13/2013 / Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва», Украина. – 2013. URL: http://www.dif.org.ua/modules/pages/files/1384959863_2791.pdf
13. Филюмонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // *Международные отношения.-2013.-4.-С. 443-451.* DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9419.
14. Чихарев И.А., Столетов О.В. Мягкая сила во внешней политике России // *Международные отношения.- 2015.-1.-С. 36-49.* DOI: 10.7256/2305-560X.2015.1.11479.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Statisticheskie dannye Tsentra Razumkova i Kievskogo mezhdunarodnogo instituta sotsiologii. URL: http://www.uceps.org/ukr/poll.php?poll_id=1031; <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=news&id=512&page=2>
2. Molodezh' i grazhdanskoe obshchestvo v Belarusi: novoe pokolenie. SPb. 2011. – 346 s. URL: <http://www.iiseps.org/books/13>
3. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* – Vol. 616, No. 1. – pp. 94-109.
4. Leonova O.G. «Myagkaya sila»: instrumenty i koeffitsienty vliyaniya // *Obozrevatel' – Observer.* – 2014. – № 3. – С. 18.
5. Leonova O. G. Interpretatsiya ponyatiya «myagkaya sila» v nauke // *Obozrevatel' – Observer.* – 2015. – № 2. – С. 80–81.
6. Bogaturov A.D. Liderstvo i detsentralizatsiya v mezhdunarodnoi sisteme // *Mezhdunarodnye protsessy – 2006 – Т.4, №13(2).* URL: <http://intertrends.ru/twelfth/001.htm>

7. Kosachev K. Myagkaya sila i zhestkaya sila – ne summa, no proizvedenie // PIR-Tsentr. – S. 12. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/12/13880428660.pdf>
8. Braterskii M. V., Skriba A. S. Kontsepsiya «myagkoi sily» vo vneshnepoliticheskoi strategii CShA // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2014. № 2. S. 137.
9. Baikov A.A. «Myagkaya moshch'» Evropeiskogo Soyuza v global'nom silovom ravnovesii: evro-rossiiskii trek // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2014. – №2. – S. 42.
10. Studneva E. Vostochnaya Evropa mezhdru evraziiskoi i evroatlanticheskoi politikoi // Mezhdunarodnaya zhizn'-2011.-№10. – S. 28.
11. Molodezh' i grazhdanskoe obshchestvo v Belarusi: novoe pokolenie. SPb. 2011. – 346 s. URL: <http://www.iiseps.org/books/13>
12. Zolkina M. European integration of Ukraine: experience of yesterday for development of tomorrow. Informational & analytical bulletin. Public opinion 13/2013 / Fond «Demokratichni initsiatiivi imeni Il'ka Kucheriva», Ukraina. – 2013. URL: http://www.dif.org.ua/modules/pages/files/1384959863_2791.pdf
13. Filimonov G.Yu. Aktual'nye voprosy formirovaniya strategii «myagkoi sily» vo vneshnei politike Rossiiskoi Federatsii // Mezhdunarodnye otnosheniya.-2013.-4.-С. 443-451. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9419.
14. Chikharev I.A., Stoletov O.V. Myagkaya sila vo vneshnei politike Rossii // Mezhdunarodnye otnosheniya.-2015.-1.-С. 36-49. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.1.11479.